

Джезуальдо ди Веноза: Эрос и Танатос в Неаполе 16-го века.

Символическим предложением «жизнь для меня стала смертью» заканчивается одна из последних композиций Джезуальдо ди Веноза; буквально говоря — «жизнь угасает».

Композиция относится к 6-й последней книге пятиголосного мадригала 1611г., которую по праву считают самым значительным произведением одного из самых загадочных талантов в музыкальной истории всех времен.

Своеобразный мир звуков этого музыканта, видимо, имеет в основе те же неизвестные нам первопричины, из которых развиваются и черты личности в целом. В жизни и творчестве Дж. ди Венозы проявляются непостижимые признаки латентной, не обнаруженной болезни; а его музыка — это плавильный тигель, в котором соединились выдающаяся художественная личность и психика, полная теней и трещин.

Напряжение, которое мы ощущаем в музыке ди Венозы, возникает не потому, что искусство 400-летней давности стало вдруг сегодня модным и актуальным, а оттого что оно сродни напряжению нашей повседневной жизни с переживаемыми в ней страхами и волнениями.

Приведем некоторые эпизоды из жизни дона Карло Джезуальдо, князя Венозы, которые важны для лучшего понимания запутанных отношений между музыкой и психикой этого великолепного художника.

Летом 1589 года среди казненных в Неаполе был человек, чья судьба особенно взволновала неаполитанцев, валом поваливших тогда на рыночную площадь — место казни. Речь идет о Бенедетто Мангоне, которого после пыток и колесования еще и обезглавили. Он пользовался зловещей славой разбойника, убившего более 400 человек, каковые имели несчастье оказаться вблизи гор в местности Авеллино. Он даже провозгласил свое (непризнанное) королевство со своими собственными законами. Его грубая, прямо-таки каннибальская свирепость перемежалась удивительным великодушием по отношению к бедным. Это окрасило его личность ореолом романтики, как это случалось и позднее с другими разбойниками.

«Неаполь пел» — так было издавна. Казни, и особенно они, приносили некое новое вдохновение музыкантам и народным певцам, которые всегда следили за скандальной хроникой их бурлящего города. Показательными в силу этого были и темы певцов: казни через повешение, четвертование, смерть, всевозможное насилие, любовные приключения, страсти и

супружеские измены, счастливые и несчастливые события из жизни народа, способного как вдохновлять, так и быть вдохновленным.

Но означенное событие и атмосфера вокруг него стали мрачным предзнаменованием грядущего.

Год спустя после казни вышеупомянутого разбойника Неаполь содрогнулся: сам дон Карло Джезуальдо, князь Веноза в ночь с 26 на 27 октября 1590 года убил свою жену и ее любовника дона Фабрицио Карафа, герцога д'Андриа, во время их развлечений на его супружеском ложе, которое полноправным его хозяином слишком часто оставалось невестребованным. Своим кровавым поступком князь Веноза вызвал шок всего Неаполя. И авторы хроник, и певцы почти в течение всего столетия распевали уличные песни, посвященные этому событию.

Что же за человек был Карло Джезуальдо ди Веноза?

Он был страстным охотником и изысканным гурманом. Был очень силен. Рассказывали, что во время охоты, преследуя на лошади диких свиней, он пригвоздил нескольких к дубовым деревьям. Он пользовался славой героя и безрассудного любовника. Был очень богат и склонен к разрушительным вспышкам гнева. И несмотря на это был одним из самых великих и талантливых музыкантов своего времени.

Родился он в 1560 году в Неаполе. В традициях его семьи были тонкий вкус, образованность и музыкальность. Карло Джезуальдо довольно быстро научился играть на лютне в строгом и своеобразном стиле мадригала. Музыка и охота вскоре полностью захватили его.

Следует заметить, что класс аристократов, к которым он принадлежал, не одобрял не только любую форму труда, но полностью отвергал стиль деятельной жизни. Многие зажиточные неаполитанцы получали свой доход от громадных имений. Они держали управляющих, которые руководили сбором урожая и взимали по своему усмотрению огромные налоги.

Средняя продолжительность жизни в те времена составляла чуть более 30 лет: чума, войны, ужасные условия гигиены, недоедание бедных, переедание богатых и употребление алкоголя были основными причинами того, что человеческое существование на земле было таким кратковременным.

В Неаполе все представляло собой экстремальные контрасты: тяжелый запах города без канализации смешивался с опьяняющим запахом жасмина и

эвкалиптовых деревьев в многочисленных парках; дети играли в догонялки под виселицами, на которых всегда болтались повешенные. В Чиайе и Посиллипо иногда причаливали к берегу красивые парусники, из которых выскакивали дерзкие арабские корсары. Они похищали знатных юношей и девушек прежде, чем вооруженная охрана и рыцари приходили на помощь. Жертвы доставлялись на ближайший необитаемый остров Низида. За юношей требовали большой выкуп, а несчастные девушки доставлялись в Стамбул или Дамаск, где продавались на невольничьих рынках. Самым укорененным верованием был фатализм. Город Неаполь — одновременно и самый бедный и самый богатый в Европе — был перенаселен, но достаточно было эпидемии чумы, чтобы население всякий раз существенно сокращалось. Все казалось навечно временным.

Князь Веноза не был бесчувственным, оторванным от жизни и циничным человеком. А серость житейских будней умел просветлять музыкой и поэзией. В 26 лет он женился на своей двоюродной сестре Марии д'Авалос д'Арагоне. Неизвестно, было ли это результатом внезапной глубокой любви или желания дяди-архиепископа объединить два знатных и богатых рода.

Мария была исключительно красива, в чем можно и сейчас убедиться, посмотрев на картину в церкви Святого Доминика Магриоре в Неаполе, где она изображена белокурой и в скромном светло-зеленом платье с белым воротником. В 15 лет она была выдана замуж за дона Фредерико Карафа и спустя 3 года стала вдовой; затем вышла замуж за исключительно богатого сицилианского барона, который тоже вскоре умер. Это принесло ей славу белокурой красавицы, убивающей мужчин, что вызывало у них ужас, а у женщин — злорадство. Казалось, она была создана для властолюбивых чувств и желаний Карло Джезуальдо. И он взял ее в жены.

Хроникеры сообщают о знаменательном событии — свыше сотни гостей, вся аристократия Неаполя были приглашены во дворец Веноза. Это был грандиозный свадебный обед, состоящий из трех торжественных приемов пищи, каждый из которых состоял из 24 блюд, при наличии трех обязательных парадных трофеев: павлина с распущенным во всей красе хвостом, гигантской камбалой — гордостью морской кухни, а также жареного кабана — королевского блюда. Местные вина, острые и обманчивые, как взоры прекрасной Марии, дополняли кушанья. Внизу, во дворе замка около

десяти тысяч бедняков получали в праздничном и ликующем столпотворении макароны и вино.

Однако, очень скоро Мария убедилась, что Карло имел совершенно особый характер, отличный от характеров ее преждевременно умерших супругов.

Он по-хозяйски повелевал и был готов к проявлению бьющей через край страсти, быстро решался на одинокие охотничьи походы, затем так же внезапно полностью отдавался музыке. Он ожидал от своей жены того, чего она из-за аристократической лености и вследствие воспитания не могла ему дать, а именно: кроткой, самоотверженной любви. Впрочем, в ту эпоху духовное взаимопонимание в браке могло существовать только в идеализированной форме, прежде всего — в искусстве. Нормой, скорее, были обманы и интриги.

Супружеская неверность с последующей смертью любовников была воспринята как торжественный акт варварского самосуда. Оба трупа влюбленных, сраженных смертельным оружием, в своей греховной одежде были выставлены для обзора всех неаполитанцев, которые приходили на площадь большими толпами и горячо обсуждали случившееся. Этот поступок князя ди Венозы рассматривался многими как прискорбная необходимость.

После убийства супруги, оставшегося безнаказанным, наш «мадригалист» возвратился в сельскую местность в свои громадные поместья в Апулии. Для него начался период уединения и размышлений, правда, не очень долгий и обременительный. Во всяком случае, хроники, которые обычно очень словоохотливы относительно слухов, славных деяний и трагических событий, умалчивают о подробностях этого уединения. Мы знаем только, что в те годы укрепилась возникшая в 1537 году дружба между Карло Джезуальдо и Торкватом Тассо.

Поэт, автор произведения «La Gerusalemme liberata» («Освобожденный Иерусалим»), нашел оправдание смерти обоих влюбленных, что отразилось в его сонете, написанном в Риме через 15 дней после кровавого деяния: «Также и на двух любовниках лежит вина»; он назвал убийцу внутренне опустошенным и безжалостным. Началась его переписка с князем Венозой с просьбой озвучить некоторые поэтические произведения:

«Я пошлю вам еще 10 мадригалов наряду с этим и прошу извинить мне бедность духа». Так писал поэт со свойственной ему неуверенностью и

скромностью. Но не будем анализировать отношения двух художников. Безумства их прошлой жизни, составляющие общность их судеб, могли прекратиться тем, что оба посвятили себя творчеству. При всем желании мы не смогли бы заглянуть в их сокровенные, тайные помыслы. Оба в полном смятении и опустошении уединились — независимо друг от друга. Но их творческая встреча была искренней и чистой. Хотя юный возраст, богатство, прославленный род князя и — почтенный возраст, бедность, денежная зависимость именно от князей, бесконечные превратности судьбы, замкнутость Тассо создавали определенную преграду в их отношениях.

Тем не менее, 9 мадригалов Тассо, которые были озвучены Джезуальдо, стали яркими доказательствами гениальности обоих.

В это время музыка претерпевала фундаментальные преобразования, состоявшие в изменении основных структур и форм выражения (переход от чисто полифонического стиля к гомофонно-гармоническому), сказавшиеся прежде всего в рождении оперы в конце 16-го столетия (во Флоренции) благодаря группе поэтов-певцов.

Карло Джезуальдо познакомился с новой эстетикой и музыкальной практикой благодаря своим связям с Феррарой, городом, в котором ценились образованность и новаторство. В частности, на Венозу большое влияние оказал известный феррарский музыкант того времени, органист двора Луцачи, который познакомил его с необычными, гармонически смелыми оборотами.

Именно смелость гармонических решений в музыке ди Венозы станет самой заметной ее особенностью. Впоследствии критики и исследователи его творчества будут пытаться найти подобную гармонию в более поздних и близких к нам эпохах. Действительно, некоторые аккорды и удивительные модуляции композитора воспринимаются сегодня как некие таинственные предзнаменования, подобно кометам. Художественное выражение ди Венозы осталось неповторимым явлением в искусстве, и так и не ясно, отражало ли оно пронзительное познание красоты падения или необычную способность пророческого предвидения, основанного на озарениях ума.

Тесная взаимосвязь между личностью князя ди Венозы и его произведениями очевидна. Его мадригалы адресованы некой воображаемой женщине, что свойственно поэтической традиции. Но весьма прозрачны и акцентированны фразы, полные боли и сладострастия. Не выражение ли

этих чувств обусловило новые горизонты музыкальной выразительности, открытые ди Венозой?. В то время его находки были не только спонтанными, но и не имели каких-либо примеров для подражания, из-за чего наталкивались на непонимание.

До XIX столетия гармония осознавалась как закон звукового равновесия, согласный с самой акустической природой. Напротив, у Карло Джезуальдо асимметричная манера почти постоянна, непредсказуемость становится правилом, и с годами в нем развивается даже наслаждение дисгармонией (параллельно необратимому влиянию разрушительного экзистенциального опыта). Такова судьба некоторых его произведений, которые, казалось, были написаны на другой планете и в другие времена, и смогли стать понятны во всей полноте и выразительной силе только после революционных преобразований в музыке 20-го столетия.

На мадригалах Венозы лежит отпечаток неповторимости. Они завершались звуками, несущими одновременно гармонию и страдание, и почти неистовым кадансированием. Человек, обремененный жизнью, искал в свободных композициях возбуждающего удара диссонансов, который почти всегда сопутствовал таким ключевым словам, как смерть, мученичество, слезы, вздохи, боль. Кажется, будто автор в осознанной борьбе с ними ощущал всю их тяжесть и искал мучительного самонаказания — от отвержения любви до страха перед смертью. Диссонанс — то есть бунт против гармонии природы, возможно, даже ее отрицание, звучал в нем как единственно возможный способ выражения собственного внутреннего мира, не обретая при этом освобождения.

В период времени, когда ди Веноза становился все более беспокойным и в своем безумстве все больше походил на Тассо, умер его единственный сын.

Его новая жена, Леонора д'Эсте — мать умершего ребенка, в то время одела на себя грубо сотканную накидку, из-под которой виднелись острые края власяницы. Глаза обоих супругов были наполнены горем, и это горе усилило непонимание. Поговаривали даже о состоявшемся аннулировании брака с согласия Папы Пия V, но так или иначе последовавшие болезни и другие невзгоды превратили формальный акт расторжения брака в незначительную подробность. Правда, в последние годы бывшие супруги нашли опору в совместном чувстве, которое, похоже, снова возродилось.

Карло Джезуальдо страдал как бронхиальной астмой с сильными приступами кашля, так и неизвестной нам болезнью, которую он называл «страданием Вакха». Он умер в 1613 году в возрасте 53 лет. Более подробно обстоятельства его болезни описаны в 1614 году в письме аббата Микеле Джустиниане. Тот, будучи свидетелем смерти Венозы, писал, что кончина была ускорена своеобразным «смятением» — психо-физическим состоянием мазохистского толка, побуждавшим его ощущать удовольствие от ударов, которые он приказывал себе наносить после накладывания компрессов на виски и другие части тела.

Его больное тело было только оболочкой поврежденной души, которая спустя столетия посредством чрезвычайно сильной и выразительной музыки напоминает нам о страхах, заблуждениях, о надежде и отчаянной безысходности.

Сейчас эти звуки кажутся нам хорошо знакомыми, как выражение нашей повседневной жизни. Несмотря на болезненное состояние, никто не вправе видеть именно в его поврежденной психике некий исключительный и важный источник и стимул творчества и художественной продуктивности. Следует вспомнить о предостерегающих словах Бенедетто Кроце, сказанные в 17 столетии:

«Собрание преступлений, постыдных действий, горя и трусости, глупости и безумия не равнозначно пониманию исторической правды эпохи. Подобные списки можно составить в большей или меньшей степени для всех столетий, так как они всегда сопровождают историю. Необходимо исследовать остальное — нормальное, здоровое и позитивное, что существует и действует, хотя иногда и не так очевидно. Только тогда можно превратить анекдотические эпизоды в историческую логику и перейти от простых чувственных ощущений к действительным суждениям».

Как в истории — так и в человеческой жизни.

(«Музыка и психика»)